УДК 930.1
DOI: 10.17223/19988613/63/20

Н.В. Трубникова

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ФЕРНАНА БРОДЕЛЯ

В статье сформирован профиль современных обращений западной исторической мысли к интеллектуальной биографии выдающегося французского историка Фернана Броделя. Автор выявляет основные исследовательские ракурсы, в рамках которых наследие основоположника «глобальной истории» оказалось востребованным в XXI в. Первый из них вызван фрагментацией проблемного поля и избыточной специализацией «ремесла историка», в то время как Бродель выступал блестящим организатором междисциплинарных инициатив при главенстве истории.

Ключевые слова: Фернан Бродель; движение «Анналов»; структуралистский вызов; глобальная история; региональная история; колониальный дискурс; россиеведение.

Значение трудов Фернана Броделя для развития современных историографических практик сложно переоценить. Его легендарное наследие и вехи жизненного пути уже сформировали в историографическом пространстве современного мира своего рода «место памяти». Разные грани его профессионального опыта как создателя институциональной сети, аффилированной с движением «Анналов» [1]; тонкого дипломата, умело балансирующего между форпостами биполярного мира; идейного вдохновителя, сумевшего сохранить за историей центральное место среди социальных наук через концепцию «longue durée»; наконец, исследователя региональных и глобальных социально-экономических процессов ныне проявляют себя в различных интеллектуальных контекстах.

С точки зрения постулируемого последние тридцать лет «кризиса истории» и ослабления общественного призвания истории на фоне развития других наук особенно показательной является победа Фернана Броделя в труднейшей междисциплинарной дискуссии, получившей во французской историографии название «структуралистский вызов». В середине XX столетия, структурализм, истоки которого коренятся в творчестве лингвиста Ф. де Соссюра, был воспринят всеми гуманитарными науками: антропологией (К. Леви-Стросс), литературной теорией (Р. Барт), психоанализом (Ж. Лакан) [2]. Подход, базирующийся на синхронистической логике, вне всякой попытки локально-исторического измерения, который практиковали самые известные исследователи современности, имел перспективу вытеснить историческую дисциплину как «устаревшую» на обочину социальных наук.

На рубеже 1950–1960-х гг. главенство истории среди социальных наук оспорил Клод Леви-Стросс, намеревавшийся в рамках своей структуралистской программы – обобщенной семиологии – осуществить синтез всех гуманитарных наук. Еще в 1949 г. он, во многом повторяя уже звучавшие ранее критические аргументы против истории, вновь поднял вопрос о лимитах

и назначении исторического метода [3]. Историк, по мнению автора, изучает сущностный уровень реального мира, однако его погруженность в сугубо эмпирические обстоятельства делает его неспособным к моделированию. Он не имеет доступа к тем глубинным структурам общества, для которых диахроническое измерение истории почти не имеет значения. Историк обречен жить в непрозрачности бесформенного описания, в хаосе случайного совпадения, и только антрополог (этнолог) может распознать глубинную бессознательную основу социальных практик.

Таким образом, история и этнология, в интерпретации К. Леви-Стросса, близки по своим институциональным позициям, предмету и методам. Но их разделяет эмпиризм истории, с одной стороны, и концептуальность этнологии – с другой. «История организует свои данные по отношению к сознательным формам, этнология – по отношению к бессознательным условиям социальной жизни» [4]. Таким образом, только этнология, или структурная антропология, имеет доступ к бессознательному уровню человеческого общества и проникает в пограничные сферы ментального универсума.

С годами Леви-Стросс сделался еще более суровым по отношению к истории, которую он представляет только как выражение мифа в книге «Первобытное мышление» 1962 г. Он обличает увлечение экзистенциальной философии историей как попытку восстановить иллюзию преходящего и пристрастного: любая история может быть только частичной и не владеет искусством перехода к сколько-нибудь значимому синтезу. «Ее так называемое историческое постоянство обеспечено только посредством неверных следов» [5].

Со стороны историков вызов принял Фернан Бродель, противопоставив Леви-Строссу обновленное идейное наследие первых «Анналов». Он вывел стратегию истории как объединительницы гуманитарных наук на еще более высокий уровень притязаний, адаптируя свою программу к единому междисциплинарному [6], если не сказать, адисциплинарному, проекту.

Анализируя общий подъем конкурентных социальных наук, Бродель постулировал необходимость открывать границы между дисциплинами, разбивать стены, созданные каждой из них, выступал сторонником свободного обмена идеями при объединяющей и главенствующей роли истории. Осознавая потенциал интеллектуальной экспансии новых научных специализаций, в своей первой лекции 1950 г. в Коллеж де Франс он произнес: «Мы присутствовали при рождении, возрождении и расцвете, в течение 50 лет, серии империалистических гуманитарных наук» [7. Р. 31].

Бродель был искренне убежден в необходимости защищать идентичность исторической науки перед лицом эфемерных рождений и возрождений юной поросли других гуманитарных наук и преемственность традиции «Анналов» внутри самой дисциплины. По отношению к внешним наукам дискурс Броделя остался двойственным: с одной стороны, необходимо сохранять доминирующую позицию истории перед лицом возобновляющихся претензий на лидерство, с другой – «приручить» этих амбициозных соседей. И потому он утверждал единство этих наук о человеке: так, согласно его выражению, «социология и история есть одно и то же приключение духа». Одновременно Бродель обличал теоретические слабости той же социологии, иногда слишком открыто восстававшей против господства историков.

Институты «Анналов» (VI секция Высшей практической школы, позднее – Высшая школа исследований по социальным наукам, и Дом наук о человеке) стали для Броделя решающим инструментом в более широком процессе поглощения социальных наук историей. «Нужно хорошо понимать, в чем состоит урок “Анналов”, школы “Анналов”... Это то, что все гуманитарные науки инкорпорированы в историю и становятся вспомогательными науками» [8. Р. 222], – признавал сам Бродель в последнем интервью 1985 г. По выражению М. Ферро, он рассматривал движение «Анналов» и его попутчиков «...как единственных, делающих научную, экспериментальную историю, способную объяснять неидеологические феномены», и вел самую бескомпромиссную борьбу против всех остальных... Он вел войну против всех других форм истории, шла ли речь о католических историках, имеющих посты в “Сьянс По” (Национальный фонд политических наук), шла ли речь об историках нации, которые располагались в Сорбонне... и т.д.». По мнению соратников, эта война была скорее сродни военному походу, чем соревнованию идей, поскольку Бродель «...завоевывал территории... Он говорил: “Мы завоевали университет Страсбурга”, “Мы хозяева в Буэнос-Айресе”, “Романо объединит Латинскую Америку”, “Мы стойко держимся в Центральной Европе и особенно в Польше, которая является нашей основной базой, так же как и Италия; в России – я поеду, посмотрю, как там все происходит”» [9. Р. 81].

Ясный ответ на вызов, брошенный Клодом Леви-Строссом, был дан Фернаном Броделем в статье-

манифесте «История и социальные науки: большая длительность», которая появилась в «Анналах» в 1958 г. [10]. В течение этого года, как утверждал сам Бродель, он вел долгие дискуссии с Леви-Строссом, к которому испытывал большой пиетет. Он мог указывать на «ошибки» социологам, но избегал полемизировать напрямую с Леви-Строссом, несмотря на ситуацию еще более упорной теоретической конкуренции.

В статье он сначала упомянул о несомненных достижениях соперника, который смог расшифровать тайный язык элементарных структур родства, мифа, экономических обменов. Бродель осознавал привлекательность антропологического дискурса, обладающего, как и история, свойствами обобщения. При этом антропология опиралась на математические методы, на моделирование, иллюстрируя новые возможности доступа к социальному бессознательному и, в перспективе, была способна завоевать на поле социальных наук решающее превосходство.

Бродель парировал это вызов, обновляя и усваивая достижения структурной антропологии, через теоретическое обоснование множественности режимов исторического времени. Программе Леви-Стросса он противопоставил главное оружие историка – время, но не в банальной связке события и его датировки, а в понятии «большой длительности», которое охватывает собой все, что можно помыслить в истории человечества, вплоть до геологических структур ландшафта. Именно вокруг «longue durée» он предложил произвести реорганизацию всех социальных наук. Любое явление может быть установлено, только пройдя проверку «долгим временем», и поскольку хронология осталась главным параметром исследования, историк сохраняет здесь свое первенство. Бродель представляет конституирование больших длительностей как «коперниканскую революцию» в исторической дисциплине, которая должна позволить всем наукам о человеке «говорить на одном языке».

Одновременно «короткое» время индивида и единичного события он оценивает в критическом контексте, употребленном когда-то Франсуа Симианом, и снова подтверждает его малое значение для междисциплинарных гуманитарных изысканий. Социальные науки имеют только две возможности вырваться из-под контроля истории, согласно Броделю. Первая возможность – это «внутри-временная» перспектива, которая ограничивается пространством новостей, «сверхкороткого времени», вырезанного из всякого длительного контекста. Это и есть случай социологии, задачи которой слишком ограничены, чтобы беспокоить историка. Вторая возможность – это «надвременное» пространство, которое является предметом структуралистских исследований «слишком длительных», «космически» значимых образований.

Бродель позаимствовал у Леви-Стросса понятие структуры, но наделил его несколько иным смыслом. В броделевском дискурсе структура – это остов, архи-

текстура, монтаж определенной целостности, всегда вписанный в конкретную реальность и наблюдаемый. Единственный способ обнаружить структуры в истории – это измерить их длительность. В этом намерении наблюдать и описывать его концепция остается верной традиционной историографии.

Примером такого исследования служила диссертация Броделя, в которой научно наблюдаемые структуры Средиземноморья представлены как сумма всех сетей отношений, дорог, трафиков, совокупность движений, которые оживляют пространство. Предприятие Броделя «открыло двери» для каждой отрасли социального знания; он стремился найти применение каждому в этой большой лаборатории гуманитарных наук. Такая унификация исследовательского поля должна была превзойти все расхождения и границы, располагая в центре историков как специалистов «по длительностям».

В период так называемого пространственного поворота, отметившего пути развития современной западной историографии в 2000-х гг., исследователи все чаще предпочитают широкие транснациональные обобщения и глобальные пространства, объединенные единой историко-географической перспективой, и все чаще упоминается в этой связи имя выдающегося французского историка. Новой популяризации Броделя в немалой степени способствовал «мир-системный» подход Иммануила Валлерстайна, который, синкретически сочетая принципы марксизма, теории зависимости и опыт «вторых Анналов», позволил на основе понятия «миров-экономик», ключевого для анализа динамики капиталистических отношений, сформировать собственный междисциплинарный вектор, объясняющий процессы глобализации [11].

В англо-американской историографии имя Фернана Броделя также вспоминается ныне в связи со стремлением повысить социальный статус академической истории, которая утрачивает связь со сферой публичной политики под наплывом интерпретаций множественной и многослойной «исторической памяти», представленной разноречивыми и не всегда бескорыстными представлениями различных гражданских групп, которые ищут в прошлом какие-то «точки опоры». Новые представления об эвристическом ресурсе «времени большой длительности», когда-то изобретенном Броделем, поддерживаются не только в связи с его потенциалом для создания глобальных макроисторических панорам, но и по техническим причинам: новые компьютерные программы и утилиты, необъятные базы данных, выражаемых понятием «Big Data», дают невообразимые ранее возможности для обработки текстов, изображений и создания фактологических серий принципиально иного макроуровня. Мировые процессы, катаклизмы, кризисы и глобальные идеологические повороты получают иные исследовательские ракурсы, более привлекательные для многих молодых исследователей, чем прежние локальные, микроисторические

направления. «Эти работы, конечно, вносят свой камешек в основу знания, но они не предлагают ни поворота, чтобы заинтересовать остальную часть дисциплины, ни оправдания своей целесообразности для широкой публики», – сетуют авторы статьи с красноречивым заголовком «Возвращение “больших длительностей”»: англо-американская перспектива» Д. Эрмтейдж и Й. Гулди [12. Р. 291], опубликованной в «Анналах» в 2015 г. В этой публикации американские ученые показывают границы объективной проблемы измельчения проблемного поля американской исторической науки после Фернана Броделя, а также отсутствие интереса у последующего поколения историков к созданию обобщающих трудов и педагогике. Триумф истории «короткого времени» создал почти самодостаточный культ профессионализма, в котором почти перестало выражать себя социальное измерение «ремесла историка». Неизбежным следствием этой самоизоляции в «башне из слоновой кости» стала утрата связи с публичным пространством, которое стремительно заполнили более интегрированные в него социальные науки. Междисциплинарная конкуренция, когда-то блестяще поддержанная Фернаном Броделем на основании того, что все социальные структуры могут быть обнаружены только в историческом времени, в этом раунде была проиграна.

Специфическая модель профессионализации, основанной на исследовании микроперспектив прошлого, привела к беспрецедентной маргинализации историка. «Историки становились все более и более отрезанными от читателей-неспециалистов и дошли до того, чтобы говорить только между собой о все более и более узких сюжетах, изучаемых в рамках все более и более коротких периодов» [12. Р. 296]. Означает ли это, что во всех проблемах истории виновато нелюбимое Броделем «короткое время»? Авторы фактически отвечают утвердительно на этот вопрос, проясняя характерные черты личного и профессионального опыта поколения историков, пережившего интеллектуальный «переход» рубежа 1960–1970-х гг. от изучения структур долгого времени к микросюжетам. Это изменение было продиктовано и самим духом политического времени, подъема разнородных социальных движений, восставших против коррумпированного мира «взрослых», который ассоциировался как раз со сложившимися репрессивными и устойчивыми во времени структурами социально-политического порядка, от института семьи до несправедливого мироустройства в целом.

Для мира историков это чрезвычайное сужение и заострение проблематики на сфере культурного означало в самом скором времени существенный отрыв от реальности. «Работа... в архиве стала чем-то вроде ритуального допуска к возрасту взрослости у историка, одним из принципиальных признаков, через которые могла прочитываться методологическая серьезность,

теоретическая культура, историографическое знание и знакомство с документами» [Ibid.]. Американские историки замкнулись в своей «башне из слоновой кости», фактически утратив связь с обществом. Европейские историографические практики, имеющие более выраженный интерес к социальному профилю «ремесла историка», оказались затоплены современным доминированием англо-американской историографии. Американцы восприимчивы», в первую очередь, к проблематике «longue durée» благодаря возможностям современных технологий обработки исторических данных в большом масштабе. Однако возможности предложенного «вторыми Анналами» метода значительно богаче: Бродель наделял большие длительности двойным смыслом – оценить «медленную» историю, ее трансформации и очаги сопротивления, ее циклические повторы и зигзаги, феномен человеческих сообществ в их собственном ритме и постоянстве. Этот подход не только дает возможность экспериментировать с различными темпоральностями и локально-историческими масштабами, через историчность социальных фактов он по-прежнему имеет как потенциал объединения разрозненного сообщества историков, так и программный горизонт сотрудничества со всеми социальными науками, лучше укорененными в опыте настоящего, и в действительности не имеет причин для отвлеченного противопоставления макро- и микроисторических сюжетов и не исключает других подходов к историческому прошлому.

Иной по смыслу перспективой применения интеллектуального наследия Фернана Броделя является его программа «культурных ареалов» (area studies), воплощение которой потребовало не только создания «сильной» исследовательской программы, понятной носителям разных региональных академических культур, но и незаурядного таланта дипломата. В качестве научной программы метод описания Средиземноморья как сложной и многослойной системы циркуляции явлений самого разного порядка естественно совпал с современными представлениями о едином мире, поделенном в соответствии со спецификой природно-климатических условий, хозяйственной деятельности, социокультурной и этнической среды на автономные единицы анализа, соотносимые с «мирами-экономиками», на основе которых выстраиваются многие (хотя и не все) направления как современных регионоведческих изысканий, так и транснациональной, или глобальной, истории.

Эта перспектива анализа востребована по отношению к странам Восточной и Южной Азии [13], Латинской Америки, а с недавних пор выделяется в качестве особого исследовательского русла и в российских, советских и постсоветских исследованиях.

Однако усилению региональных перспектив в истории предшествовали «экстранаучные» обстоятельства: долгий процесс международной коммуникации, выстраиваемый Броделем, в центре которого располагались Соединенные Штаты Америки. По сути, именно

опыт и финансовые ресурсы США стали основным источником социального динамизма в Европе, включая не только инвестиции по «плану Маршала», но также моду на все «американское», включая методы и технологии исследования американских социальных наук. Рентабельность, рациональность, прагматизм становились целями французских социальных наук, желающих достигнуть в общественном строительстве американской эффективности. Социология, психология и менеджмент сделали неотъемлемыми частями политики европейской модернизации, в первую очередь, в мире труда. Вполне очевидно, что социальные науки были лучше, чем история, ориентированы, чтобы ответить на подобный социальный заказ. Фернан Бродель, олицетворявший деятельность «вторых Анналов» в процессе развития отношений с американскими спонсорами (сначала – Фондом Рокфеллера, затем – Фондом Форда), проявил себя как незаурядный предприниматель и настоящий дипломат, «...он смог установить научное предприятие, целью которого было встраивание доминирующих интернациональных моделей во французскую систему...» [14. Р. 22].

Однако этот процесс имел заинтересованность и противоположной стороны: из-за комплекса причин, связанных с холодной войной, но также из-за кризиса прежних концепций американской идентичности и внешней политики начиная с 1960-х гг. крупные американские фонды по-новому формулировали свои программы влияния в Европе. Они все больше адаптировались к специфике европейской культуры и институтов, развивая отношения кооперации, а не колонизации, что, в частности, воплощалось в программе исследования «культурных ареалов», поддержанной политиками. Ее целью было усиление «евроатлантической оси», основанной на общей, стабильной и автономной (по отношению к советской континентальной мощи) Европе. Эти геополитические задачи требовали ускоренного выравнивания «культурных асимметрий», усиления атлантических международных связей национальных элит. Фернан Бродель оказался в этом отношении исключительно деятельным, позволив французскому интеллектуальному полюсу значительно увеличить свою аудиторию за границей. Работы VI секции Высшей практической школы – первого института «Анналов» – распространялись благодаря сети отношений, все более прочной и разветвленной как в провинции, так и за границей, прежде всего, в странах Средиземноморья, но также в советской Польше, где будут в 1957–1958 гг. организованы два коллоквиума, в Северной и Южной Америках.

Положение Броделя как организатора новых форм интеллектуального сотрудничества было, в действительности, непростым, вынуждающим к политическому лавированию. В 1950-х гг. в фазе обострения холодной войны американцы тщательно отслеживали, чтобы их финансовая помощь не оказалась в руках коммунистов. Во Франции той эпохи удовлетворить такое же

ление спонсоров было трудно, потому что коммунистические идеологии самого разного толка были чрезвычайно популярны, многие интеллектуалы демонстрировали свою приверженность марксизму, и стратегически было очень важно сберечь в глазах подрастающего поколения репутацию политически свободного учреждения. Идеологически демонстративно нейтральный Бродель обещал американским партнерам, что случайное участие коммунистов в исследованиях никак не скажется на идеологической ориентации учреждения, и фонд Рокфеллера продолжал выделять VI секции средства. Однако при этом в 1955 г. Люсьен Февр был официально уведомлен, что условия финансирования будут пересмотрены, если Бродель вдруг решится покинуть институт [15. Р. 130]. Маневрируя, но все же не идя на поводу у грантодателей, Бродель сумел сохранить в составе сотрудников секции специалистов, придерживающихся марксизма.

В 1956 г., после поездки в США Бродель предложил новый проект исследований, опирающийся на «area studies» американских университетов – междисциплинарную инициативу, сочетающую методы истории, экономики и социологии. Ф. Бродель полагал, что американские исследователи не смогут реализовать идею «культурных ареалов» так, как она того заслуживает, поскольку, повинаясь прагматической перспективе сегодняшнего дня, они оставляют за кадром исследования три фундаментальных параметра – философию, историю и географию, и предложил создать «пилотный проект» на базе своего института. Переговоры о финансировании с фондом Рокфеллера длились почти год, американцы отказались финансировать исследования ученых-марксистов, в результате чего последние были переведены в другую часть бюджета, формируемую Министерством национального просвещения Франции. Проект имел успех, и VI секция продолжала расширяться [16. Р. 22]. Репутация Броделя, способного привлекать спонсоров и сотрудников самых разных идейных ориентаций, в академическом социуме оставалась уникальной и вызывала критику политически ангажированного истеблишмента: критикуемый «слева» Коммунистической партией Франции за пособничество американскому империализму, Бродель представлялся революционным возмутителем академического спокойствия коллегам «справа», привязанным к концепции традиционной истории.

Именно в этот период экспансии VI секции Высшей практической школы был создан в 1959 г. журнал «Cahiers de Monde Russe et Soviétique» (Тетради русского и советского мира), горячо приветствуемый Фернаном Броделем: «Это предприятие... является, прежде всего, доказательством дружбы и интереса по отношению к многочисленному народу, находящемуся в схватке с судьбой и необъятными задачами. ...Беседы, встречи, плодотворные, умные и свободные, от человека к человеку, между Западом и Востоком, сложившиеся в Париже в последние годы, продолжатся.

...Политика – одно дело, наука – совсем другое. Одна – разделяет, другая – объединяет. Только последняя нас интересует и нас всецело занимает» [17].

История России не была предметом специального интереса Фернана Броделя, однако, создавая глобальные синтезы прошлого, Бродель-исследователь не обходил ее своим вниманием наряду с другими региональными перспективами. Так, в третьем томе грандиозного труда «Материальная цивилизация, экономика и капитализм 15–18 веков: Время мира» [18], как и в книге «Грамматика цивилизаций» [19], Фернан Бродель утверждает образ России как «мира-экономики в себе самой», несмотря на то что она постоянно и издревле поддерживает контакты со всеми цивилизациями Евразии. Имея ясное славянское происхождение и сохранив свою культурную традицию, предки современных русских сформировали сначала «малороссийскую цивилизацию» с центрами в Киеве и Новгороде, затем в XVI–XIX вв. построили «Великороссию» – империю, которая интегрировала в сферу своего влияния значительные регионы Европы и Азии, объединяя в рамках так называемого русского мира огромные, в основном малозаселенные пространства. В двадцатом веке советская империя воссоединит большую часть этих пространств, формируя основы собственного варианта континентальной евразийской идентичности.

Опыт изучения Броделем пространства славянского и русского мира как отдельной цивилизации востребован современной французской историографией с точки зрения трех основных ракурсов.

В перспективе исследований Софи Кёре [20] новый пространственный взгляд Броделя на характер развития славянской и российской цивилизации и связанного с ней мира-экономики остался недооцененным из той политической асимметрии, которая характеризовала трудный диалог французской и советской историографии. Долгое время, вплоть до окончания Второй мировой войны, российская история изучалась во Франции как неотъемлемая часть славянской литературы и языка. Французская интеллектуальная среда стояла на позициях академического нейтралитета, однако жесткие политические принуждения межвоенной эпохи и периода холодной войны, затрудняли научную коммуникацию и закрыли доступ к советским архивам и научным публикациям. Поэтому значительный интерес, который испытывали к Советскому Союзу исследователи, близкие ориентациям «Анналов», так и не был в полной мере удовлетворен.

Став фактическим лидером школы «вторых Анналов» и устроителем двух основных институтов движения во второй половине 1950-х гг., Бродель, вслед за де Голлем придерживается стратегии «третьего пути», целью которой было сделать Францию лидером независимой континентальной европейской мысли, идущей «посередине» между англоамериканским и советским вариантами биполярной идеологической гегемонии. Известный историк проявил себя тонким дипломатом,

разрабатывая системы вовлечения в исследовательские программы ученых Центральной и Восточной Европы, СССР, в то же время умудряясь получать гранты от американских фондов.

Для французской славистики это означало отсутствие жестких идеологических принуждений, в которых существовала американская советология. В эпоху разрядки 1970-х французские историки благодаря Броделю и Клеменсу Хеллеру смогли изучать социальную историю славянского мира более обособленно от традиционных практик славистики, ориентированной, прежде всего, на филологию. Начинаются сначала спорадические интеллектуальные обмены в виде дискуссий, переводов, поездок.

Как уже было сказано выше, политическая эквилибристика Фернана Броделя и как ученого, и как администратора, стремившегося пройти по тонкой грани между крайностями биполярного мира, снискала много критики с обеих сторон. Для правых он нередко выглядел «скрытым марксистом», для левых – буржуазным потребителем «американских миллионов» (в действительности дотации частных фондов были довольно скромными). Новизна подхода Броделя в пространственном анализе, выходящая далеко за рамки традиционной дихотомии Восток–Запад, как и гибкое использование им понятия «цивилизация», на взгляд Софи Кёре, осталась недооцененной в силу политических обстоятельств рассматриваемого периода.

Другой вектор рассуждений об интерпретациях славянского мира у Броделя связан с утверждением современного постколониального дискурса. Кароль Рейно Палиго [21] задается вопросом: были ли Бродель и шире – «Анналы», носителями колониальной культуры? Создание журнала и его идейно-тематического ядра совпало с апогеем французского колониализма, торжеством идей расовой инаковости и расовой психологии. «Анналы» уделяли большое внимание колониальной политике современности, Бродель провел в Алжире молодые годы и был женат на дочери французского колониста. Февр в своих критических рецензиях на научные монографии восхищается успехами колониального режима по преобразованию ландшафтных сред Северной Африки; одобрение разных прогрессивных преобразований в колониях, восприятие «как очевидных» фильтров физиологических и интеллектуальных различий черных и белых демонстрируют и другие авторы, пишущие в

«Анналах». Творчество Броделя также дает множество примеров приверженности французскому имперскому дискурсу. В книге «Грамматика цивилизаций» он исключительно позитивно оценивает роль французского колониального присутствия. При всем том Бродель не препятствовал найму на работу в институты «Анналов» людей с активной антиколониальной позицией.

В своих трудах Ф. Бродель рассматривает дихотомию Восток–Запад исключительно в терминах противостояния, вражды, разрыва, этнической психологии, поскольку представляет цивилизации как неизменные сущности, уходящие корнями в далекое прошлое, как противоборствующие блоки и разнящиеся мировоззрения, сформированные самим образом жизни. С этой точки зрения представления Броделя о российской цивилизации как «неевропейской» или «пограничной» явно отмечены культурой европоцентризма, чья система понятий, ограниченная рамкой своего локального опыта, была пересмотрена и опровергнута в современных постколониальных исследованиях.

Наконец, третий фокус рассуждений Броделя о российской истории востребован в современной дискуссии о сроках и обстоятельствах вступления страны на путь модернизации. Если доминирующая точка зрения по-прежнему связывает начало реформ в России с именем Петра Первого, то, к примеру, Стефан Тройбст [22] предлагает подлинной «точкой отсчета» считать 1667 г., который объединил соглашение с Польшей, сделавшее Россию форпостом борьбы христиан против Османской империи, унификацию церкви с последующим преследованием старообрядцев и восстание Степана Разина. Влияние исследовательской техники Броделя проявляется и во внимании, которое авторы уделяют экономической динамике России, проявлявшейся еще в XVII в. в развитии торговых связей между Востоком и Западом.

Таким образом, методологические подходы Фернана Броделя, применяемые им институциональные стратегии развития «ремесла историка» предлагают широко «вариабельную геометрию» научных и организационных устремлений. Эта гамма возможностей рассматривается многими современными историками (и практиками некоторых других смежных дисциплин) в качестве перспективы преодоления атомизации проблемного поля и интеграции исследовательских усилий как внутри дисциплины, так и в междисциплинарных проектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубникова Н.В. Историческое движение «Анналов». Институциональные основы (традиции и новации) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2007.
2. Dosse F. Histoire du structuralisme. Paris : La Découverte, 1991–1992. 2 t.
3. Levi-Strauss C. Histoire et ethnologie // Revue de Métaphysique et de Morale. 1949. № 3–4. P. 363–391.
4. Levi-Strauss C. Anthropologie structurale. Paris, Plon, 1958. P. 9–39 (рус. перевод: Леви-Строс К. Структурная антропология. М. : Эксмо-Пресс, 2001).
5. Levi-Strauss C. La pensée sauvage. Paris : Plon, 1962. P. 345 (Леви-Строс К. Первобытное мышление. М. : Республика, 1994).
6. Hexter J. F. Braudel and the monde braudélien // Journal of Modern History. 1972. № 4. P. 499.
7. Braudel F. Ecrits sur l'histoire. Paris : Flammarion, 1969.

8. Braudel F. Une leçon d'histoire, Châteaunvallon. Paris : Arthaud-Flammarion, 1986.
9. Le témoignage de Marc Ferro sur Fernand Braudel. Recueilli par Jean Sagnes // Carmignani P. (dir.) Autour de F. Braudel. Perpignan : Presses Universitaires de Perpignan, 2002. P. 77–81.
10. Braudel F. Histoire et sciences sociales: la longue durée // *Annales ESC*. 1958. № XIII. P. 725–753.
11. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университетская книга, 2001.
12. Armitage D., Guldi J. Le retour de la longue durée : une perspective anglo-américaine // *Annales HSS*. 2015. Avril–Juin. № 2. P. 289–318.
13. Трубникова Н.В. Регионы Азии и метод Фернана Броделя // *Известия Томского политехнического университета*. 2002. Т. 305. Тематический выпуск № 7 «Сибирь в евразийском пространстве». С. 175–185.
14. Gemelli G. Fernand Braudel. Paris : Ed. Odile Jacob, 1995.
15. Mazon B. Aux origines de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales: le rôle du mécénat américain: 1920–1960. Paris : Cerf, 1988.
16. Revel J., Wachtel N. (éd.) Une école pour les sciences sociales. Paris : Ed. Cerf-Ed. de l'EHESS, 1996.
17. Braudel F. Éditorial // *Cahiers du Monde Russe*. 1959. 1-1. P. 5–6.
18. Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme. Paris : Armand Colin, 1979. 3 tomes (Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм 15–18 вв. : в 3 т. М. : Прогресс, 1986–1992).
19. Braudel F. La Grammaire des civilisations. Paris : Flammarion, 1987. 606 p. (1 éd. 1963) (Бродель Ф. Грамматика цивилизации. М. : Весь мир, 2008. 502 с.).
20. Coeuré S. Économie-monde et civilisation russe selon Fernand Braudel. Un dialogue entre historiens français et soviétiques // *Revue de Synthèse*. 2018. № 1-2. Т. 139. 7 série. P. 9–37.
21. Reynaud Paligot C. *Les Annales* de Lucien Febvre à Fernand Braudel: Entre épopée coloniale et opposition Orient/Occident // *French historical Studies*. 2009. № 32 (1). P. 121–144.
22. Troebst S. 1667 – A Threshold Year? Debating the 'Breakthrough of the Modern Age' in Muscovite Russia // *Revue de Synthèse*. 2018. № 1-2. Tome 139. 7 série. P. 38–57.

Nataliya V. Trubnikova. National Research Tomsk Polytechnic University, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: roub@mail.ru

HISTORIOGRAPHIC REPRESENTATIONS OF FERNAND BRAUDEL'S INTELLECTUAL HERITAGE

Keywords: Fernand Braudel; “*Annales*” movement; “structuralist challenge”; global history; regional history; colonial discourse; Russian Studies.

The *purpose* of the article is to characterize the main representations of Fernand Braudel's intellectual heritage revealed in modern historiographic studies. The *specific objectives* of the study are to determine the main ideological vectors of these appeals: to the historical studies of Braudel; to his experience as an organizer of an institutional network affiliated with the *Annales* movement; the role of Braudel in organizing international academic cooperation while maintaining the predominant role of history; the contemporary perception of Braudel's methodological oeuvre within the framework of his multiple regimes temporalities “cultural areas” concepts.

Sources and research materials applied in the article are represented by the works of Fernand Braudel himself and a number of his contemporaries, as well as scientific articles and monographs in French, English and Russian languages of the 1988–2018 years edition, resorting to his intellectual biography in different contexts.

The *methodological basis* of the article are the problem-chronological and metahistorical approaches.

Thus, the article forms the profile of Western historical thought modern appeals to the intellectual biography of the outstanding French historian Fernand Braudel. The author identifies the main research angles, within which the heritage of the founder of “global history” remains on high demand in the XXI century. The first of them is caused by the fragmentation of the problem field and the excessive specialization of historical scholarship while Braudel acted as a brilliant organizer of interdisciplinary initiatives under the leadership of history. *Main conclusions:*

1. The experience of Fernand Braudel as the organizer of the most successful institutional network in social sciences under the guidance of historians is of new interest in the era of the “crisis”, when history loses the intradisciplinary unity and social dimension of the “historian's craft”.
2. A new heuristic potential is found in Fernand Braudel's “global history” project, a logical continuation of which is now declaring both the world-system approach of I. Wallerstein and transnational research initiatives. New possibilities of “Big Data” technologies open up truly boundless prospects for the “long durée” history.
3. The researchers interest to his project of “Area Studies” and to the circumstances of its implementation in academic practice as surely as to the subsequent flowering of regional and cross-cultural history, inspired by its methodology passes through modern publications as an independent perspective.
4. A relatively new issue that has arisen under the influence of modern postcolonial studies is the topic of colonial discourse in the *Annales*, and its manifestations in relation to non-European regions of the world, including Russia as a “world-economy in itself”.

REFERENCES

1. Trubnikova, N.V. (2007) *Istoricheskoe dvizhenie “Annalov”. Institutsional'nye osnovy (traditsii i novatsii)* [Historical movement “Annals”. Institutional foundations (traditions and innovations)]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
2. Dosse, F. (1991–1992) *Histoire du structuralisme*. Paris: La Découverte.
3. Levi-Strauss, C. (1949) Histoire et ethnologie. *Revue de Métaphysique et de Morale*. 3-4. pp. 363–391.
4. Levi-Strauss, C. (1958) *Anthropologie structurale*. Paris: Plon. pp. 9–39.
5. Levi-Strauss, C. (1962) *La pensée sauvage*. Paris: Plon.
6. Hexter, J. (1972) F. Braudel and the monde braudélien. *Journal of Modern History*. 4. p. 499.
7. Braudel, F. (1986) *Ecrits sur l'histoire*. Paris: Flammarion.
9. Sagnes, J. (2002) Le témoignage de Marc Ferro sur Fernand Braudel. In: Carmignani, P. (ed.) *Autour de F. Braudel*. Perpignan: Presses Universitaires de Perpignan. pp. 77–81.
10. Braudel, F. (1958) Histoire et sciences sociales: la longue durée. *Annales ESC*. 13. pp. 725–753.
11. Wallerstein, I. (2001) *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. Translated from English. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
12. Armitage, D. & Guldi, J. (2015) Le retour de la longue durée : une perspective anglo-américaine. *Annales HSS*. 2. pp. 289–318.
13. Trubnikova, N.V. (2002) Regiony Azii i metod Fernana Brodelya [Asian Regions and the Fernand Braudel Method]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 305(7). pp. 175–185
14. Gemelli, G. (1995) *Fernand Braudel*. Paris: Ed. Odile Jacob.

15. Mazon, B. (1988) *Aux origines de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales: le role du mécénat américain: 1920–1960*. Paris: Cerf.
16. Revel, J. & Wachtel, N. (éds) (1959) *Une école pour les sciences sociales*. Paris: Ed. Cerf-Ed. de l'EHESS.
17. Braudel, F. (1959) Éditorial. *Cahiers du Monde Russe*. 1-1. pp. 5–6.
18. Braudel, F. (1986) *Civilisation matérielle, économie et capitalisme*. Paris: Armand Colin.
19. Braudel, F. (2008) *La Grammaire des civilisations*. Paris: Flammarion.
20. Coeuré, S. (2008) Économie-monde et civilisation russe selon Fernand Braudel. Un dialogue entre historiens français et soviétiques. *Revue de Synthèse*. 1-2(139). pp. 9–37.
21. Reynaud Paligot, S. (2009) Les Annales de Lucien Febvre à Fernand Braudel: Entre épopée coloniale et opposition Orient/Occident. *French Historical Studies*. 32(1). pp. 121–144.
22. Troebst, S. (2018) 1667 – A Threshold Year? Debating the 'Breakthrough of the Modern Age' in Muscovite Russia. *Revue de Synthèse*. 1-2(139). pp. 38–57.